T 32/1124

Д 32
1124

П. П. ОПРСОВЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ
КОЛОНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Н. Н. ОФРОСОВЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОЛОНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1894.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Катановъ.

(Отдѣльный оттискъ изъ XII тома «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этногр.» за 1894 годъ).

2007042251

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ФИНАНСОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ КОЛОНИЗАЦІОННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИВАНА ИВАНОВИЧА НЕПЛЮЕВА.

„Мы Петра Великаго ученики"...

Въ день двухсотлѣтняго юбилея памяти Ивана Ивановича Неплюева, мнѣ хотѣлось бы подвести итоги его колонизаторской дѣятельности. Эта дѣятельность обстоятельно разработана въ спеціальной исторической литературѣ [1]) и мнѣ нѣтъ нужды на юбилейномъ засѣданіи нашего общества утомлять Ваше вниманіе подробностями этихъ итоговъ. Я могу обѣщать только самую общую характеристику тѣхъ средствъ, какія были употреблены И. И. Неплюевымъ для успѣха русской колонизаціи въ Закамскомъ краѣ, и тѣхъ результатовъ, къ какимъ привели эти средства; но, чтобы по справедливости оцѣнить то и другое, средства и результаты, необходимо знать, съ чѣмъ и съ кѣмъ Ивану Ивановичу Неплюеву пришлось имѣть дѣло.

---

[1]) Ешевскій: «Русская колонизація Сѣверо-Восточнаго края» и его же: «Очеркъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны», Н. А. Өирсовъ: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства»; Витевскій. «И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край».

Прежде всего,—что это за край, управлять которымъ послало Неплюева Елизаветинское правительство?

Это—обширная страна между Камой, Волгой, Каспійскимъ моремъ и Уральскимъ горнымъ хребтомъ. Только сѣверная часть этой страны изобиловала лѣсомъ, приблизительно до Самары, а остальное пространство представляетъ степь, примыкающую на юго-востокѣ къ пескамъ Средней Азіи.

Русская колонизація этой окраины началась вскорѣ послѣ подчиненія восточныхъ татарскихъ царствъ,—Казанскаго и Астраханскаго,—Московскому государству; но въ началѣ движеніе русскаго населенія въ Яицкія степи не только не встрѣчало одобренія со стороны московскаго правительства, но даже прямо шло въ разрѣзъ съ его видами. Колонизація огромныхъ пространствъ за Волгой и Камой была вовсе не въ интересахъ Московскаго государства въ XVI и XVII стол., страдавшаго не избыткомъ населенія, а его недостаткомъ и, притомъ, почти полнымъ отсутствіемъ широкой промышленной предпріимчивости.

Но такъ какъ, кромѣ того, Московское государство болѣло и другими общественными болѣзнями, то колонизація, по необходимости, сдѣлалась „вольной“. Новыя мѣста начали заселять люди, убѣжавшіе изъ государства и назвавшіе себя „вольными людьми“. Съ тихаго Дона избытокъ такихъ бѣглецовъ перекочевалъ на широкую Волгу, а съ Волги—на укромный Яикъ. Казацкія общины, созданныя этими любителями степного простора, заняли на окраинахъ весьма двусмысленное положеніе. Онѣ называли себя подданными „великаго государя московскаго“,—особенно, если имъ удавалось какое-либо предпріятіе противъ сосѣднихъ государствъ или враждебныхъ Россіи инородцевъ: тогда казаки настойчиво заявляли о своемъ подданствѣ, разсчитывая получить жалованье отъ великаго государя за службу; но зато въ другое время казаки считали себя вполнѣ независимыми отъ Москвы и въ такіе моменты въ глазахъ московскаго правительства являлись „ворами“ или „воровскими казаками“, противъ которыхъ посылались царскіе

воеводы для наказанія ихъ за разбои. Независимѣе другихъ казацкихъ общинъ вела себя та, которая осѣла на Яикѣ, потому-что эта община наиболѣе была отдалена отъ надзора московской администраціи, очень слабой въ тѣ времена на окраинахъ. Вплоть до разинскаго мятежа яицкіе казаки de facto совершенно не признавали надъ собой московской власти. Община, принявъ въ свой составъ довольно значительный инородческій элементъ, управлялась обычнымъ правомъ казацкихъ круговъ, съ ихъ выборными излюбленными начальными людьми, правомъ, приноровленнымъ къ условіямъ общественнаго казацкаго хозяйства. Все богатство яицкихъ казаковъ заключалось въ рѣкѣ, изобиловавшей рыбой, и вотъ кормилецъ— Яикъ явился центромъ, къ которому тянулись всѣ нити правовыхъ нормъ, стремившихся къ возможно безпристрастному дѣлежу общиннаго богатства. Московское правительство, косо смотрѣвшее на фактическую независимость яицкихъ казаковъ, рѣшило подкопаться подъ ихъ экономическое благосостояніе. Въ половинѣ XVII ст., по приказанію государя, на устьѣ Яика былъ построенъ служилыми людьми Гурьевъ городокъ, и сдѣланъ учугъ въ рѣкѣ: городокъ началъ заграждать яицкимъ казакамъ путь къ ихъ грабительскимъ операціямъ на Каспійскомъ морѣ, а „учугъ“ или „перебой“ началъ заграждать путь рыбѣ, идущей изъ моря вверхъ по рѣкѣ. Казаки почувствовали, что родная почва заколебалась подъ ними. Они инстиктивно понимали, что на нихъ надвигается сила, по своей сущности враждебная ихъ волѣ и обычному праву, сила государственности противъ своеволія.

Но, не смотря на то, что при Петрѣ Великомъ яицкое войско было втиснуто въ категорію служилыхъ людей, пользы отъ нихъ государству было немного, потому что Императоръ Петръ не кончилъ устройства казацкаго войска на новыхъ началахъ, а послѣ него представителямъ верховной власти было не до казацкихъ дѣлъ, когда ихъ собственныя—были болѣе, чѣмъ сомнительны. Между тѣмъ, устройство яицкой общины и окончательное обращеніе казаковъ въ слугъ прави-

тельства было тѣмъ болѣе своевременно, что они могли бы помочь русской мѣстной администраціи въ другомъ, еще болѣе важномъ, государственномъ дѣлѣ, — въ дѣлѣ умиротворенія инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ, которые доставляли правительству множество величайшихъ хлопотъ.

Такъ называемый Закамскій край съ давнихъ временъ былъ населенъ татарами, башкирами, киргизами и др. инородцами. Всѣ эти инородцы платили ясакъ правительству, и это обстоятельство сдѣлалось причиной появленія въ ихъ средѣ сначала только однихъ служилыхъ людей для сбора „даней“, а затѣмъ и русскихъ промышленниковъ. Тѣ и другіе очень нерѣдко вызывали возстанія инородцевъ противъ русской власти; изъ всѣхъ инородцевъ, наиболѣе неукротимыми и всегда готовыми составить заговоръ противъ русскихъ, были башкиры. „Оный Башкирскій народъ,—пишетъ хорошо его узнавшій И. И. Неплюевъ,—съ начала подданства царю Ивану Васильевичу, по ихъ природному звѣрству, прежде бытности моей, въ разныя времена бунтовалъ 6 разъ“. Если мы ко всему сказанному прибавимъ, что русское населеніе въ Оренбургскомъ краѣ было незначительно, крѣпостей, особенно по яицкой линіи, было тоже немного, да и тѣ въ неисправности, то мы составимъ себѣ приблизительное понятіе о полной неустойчивости русскаго вліянія на юго-восточной окраинѣ до Неплюева, не смотря на усердную здѣсь дѣятельность его предшественниковъ—Кириллова и Татищева.

Итакъ, теперь мы можемъ болѣе или менѣе ясно представить себѣ эту обширную территорію, на которой совершенно затерялись русскія поселенія или убогія крѣпостцы съ заборами „изъ плетня“ и земляными валами; по этой территоріи кочуютъ полудикіе народцы, всегда, при первомъ удобномъ случаѣ, готовые перерѣзать ничтожные гарнизоны еще болѣе ничтожныхъ крѣпостей и перейти за „Камень“, навсегда, такимъ образомъ, разставшись съ Россійской Имперіей; только въ одной части этой территоріи замѣтны слѣды энергичной жизни, не смущающейся сосѣдствомъ кочевниковъ: это—Яицкій городокъ

и прилегающія къ нему казація станицы; но тамъ слышатся постоянныя угрозы по старому адресу,—къ „Москвѣ“,—слышатся призывы: оставить родину и переселиться въ киргизскія степи для независимаго существованія. Словомъ, намъ необходимо представить картину края, почти нетронутаго земледѣльческой и промышленной культурой, съ колеблющимися и враждебными русскому правительству элементами.

Такимъ образомъ, состояніе Оренбургскаго края ставило передъ Неплюевымъ трудную и сложную задачу: 1) колонизировать и культивировать край и 2) приручить найденное имъ здѣсь населеніе къ русской власти и навсегда закрѣпить его за территоріей. Трудность этого дѣла будетъ для насъ еще болѣе понятна, если мы примемъ въ соображеніе, что первая часть означенной задачи стояла на первыхъ порахъ въ радикальномъ противорѣчіи со второй. Нужно помнить, что казацкое и инородческое населеніе и отнеслось къ русской власти особенно враждебно съ тѣхъ поръ, какъ увидѣло, что правительство намѣрено, какъ можно тѣснѣе, сплотить юго-восточную окраину съ ядромъ государства административными и культурными способами. По правительственному плану, распространеніе русской культуры въ этихъ дикихъ степяхъ должно было содѣйствовать возвышенію въ нихъ административнаго режима, и будущее вполнѣ оправдало этотъ естественный планъ устройства Оренбургскаго края; но на первыхъ порахъ культурная колонизація вызвала рѣзкій степной протестъ, такъ какъ она неизбѣжно потребовала отчужденія инородческихъ земель въ пользу русскихъ промышленныхъ людей. Кромѣ того, вопросъ колонизаціи осложнялся еще тѣмъ, что административный режимъ, къ которому колонизація стремилась, одинаково былъ ненавистенъ и „вольному“ казачеству, и инородцамъ. Съ этой точки зрѣнія интересы обоихъ элементовъ степи были солидарны.

Неплюевъ понялъ, что для успѣха административной и культурной дѣятельности въ краѣ необходимо прежде всего разъединить интересы казаковъ и инородцевъ: пріохотить пер-

выхъ къ государственной службѣ и при ихъ помощи дѣйствовать на вторыхъ. Неплюевъ видѣлъ, что казаки гораздо болѣе могутъ помочь ему въ дѣлѣ военной колонизаціи края, чѣмъ переселенныя сюда малочисленныя и не привыкшія къ мѣстнымъ условіямъ регулярныя войска. Но, чтобы пріохотить казаковъ дѣйствовать за одно съ намѣреніями русской власти, необходимо было показать имъ, что правительство заботится объ ихъ благосостояніи, необходимо было привлечь казаковъ къ обще-русской работѣ въ странѣ не репрессаліями, а экономическими льготами. Это убѣжденіе и было положено Неплюевымъ въ основу его заботъ объ яицкомъ войскѣ. Неплюевъ хорошо зналъ, въ чемъ заключается больное мѣсто общественнаго хозяйства яицкихъ казаковъ,—именно въ существованіи казенныхъ учуговъ на устьѣ Яика. Это-то больное мѣсто Неплюевъ рѣшился залѣчить съ условіемъ, чтобы казаки заплатили за это доброхотной службой государству. Онъ обѣщалъ за казацкую службу отпереть гурьевскіе учуги на восемь саженъ отъ каждаго берега. Эти учуги на столько подрывали яицкое хозяйство, что довольно было такого скромнаго, одобреннаго правительствомъ, предложенія Неплюева, чтобы казаки съ готовностью согласились не только защищать такъ называемую Ниже-Яицкую линію, но и соорудить на свой счетъ двѣ крѣпости съ постоянными казацкими гарнизонами по 500 человѣкъ. Дѣло пошло на ладъ: узелъ военной колонизаціи началъ завязываться весьма успѣшно. Чтобы еще болѣе связать интересы казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ выхлопоталъ у него для нихъ ежегодную субсидію въ 2,000 руб., которую они начали получать въ добавленіе къ опредѣленному имъ жалованью. Вѣрный своему убѣжденію, Неплюевъ пошелъ въ своихъ заботахъ объ яицкомъ войскѣ даже дальше правительства, не согласившагося съ его предложеніемъ отдать гурьевскіе учуги яицкому войску въ вѣчное владѣніе и, притомъ, безъ платежа оброка и пошлинъ; но зато Неплюеву удалось провести другую мѣру своей дальновидной политики, именно: названные учуги, вмѣстѣ съ рыбными ловлями, съ

таможенными и питейными сборами, были отданы въ содержаніе яицкому войску съ платой въ казну за то и другое по 5,446 р. 79 к. въ годъ, что было очень выгодно и казацкой общинѣ и правительству. Эта политика Неплюева была столько же гуманна, сколько и практична. Она положила рѣзкую грань между казаками и инородцами въ ихъ отношеніяхъ къ русской администраціи. Казаки, ясно увидавъ, на чьей сторонѣ лежатъ ихъ интересы, начали усердно охранять русскія поселенія отъ инородцевъ и даже быстро подчинились тому устройству ихъ общины, которое было введено Неплюевымъ и которое во многомъ рѣшительно расходилось со старинными казацкими обычаями; довольно указать на то, что войсковой атаманъ яицкихъ казаковъ былъ поставленъ подъ „команду“ оренбургскаго губернатора.

Такимъ образомъ, одинъ изъ вопросовъ программы, зародившейся еще въ умѣ Петра Великаго, если и не былъ рѣшенъ окончательно, то во всякомъ случаѣ, для его успѣшнаго разрѣшенія были выдвинуты наиболѣе удачныя средства. Благодаря этимъ средствамъ, Неплюевъ могъ твердо повести дѣло военной колонизаціи. Прежнее топографическое направленіе этой колонизаціи, намѣченное Кирилловымъ, Неплюевъ нашелъ весьма удовлетворительнымъ, но онъ значительно увеличилъ число крѣпостей, благодаря полученной имъ самимъ возможности располагать мѣстными казацкими силами.

Одобривъ общее направленіе укрѣпленій, Неплюевъ не нашелъ, однако, удобнымъ главный пунктъ ихъ, основанный Кириловымъ подъ именемъ „Оренбурга“ на верховьяхъ Яика,— пунктъ, дѣйствительно, весьма непрактично выбранный, главнымъ образомъ вслѣдствіе его отдаленности отъ той опорной силы, которую Неплюевъ положилъ въ основу колонизаціи, отъ Яицкаго казачества. Вслѣдствіе этого и другихъ недостатковъ Кириловскаго Оренбурга („недовольство“ лѣса, вредныя испаренія и т. д.), Неплюевъ разжаловалъ этотъ пунктъ изъ Оренбурга въ Орскую крѣпость, а Оренбургъ перенесъ на 200 верстъ ниже по Яику, къ рѣчкѣ Сакмаркѣ. Стратегиче-

ское достоинство Неплюевскаго Оренбурга несомнѣнно: онъ находился почти въ центрѣ тѣхъ укрѣпленныхъ линій, которыми киргизы были отдѣлены отъ башкирцевъ, запертыхъ крѣпостями, какъ въ западнѣ, между Камой, Волгой и Яикомъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя было ожидать отъ привыкшаго къ мятежамъ, энергичнаго башкирскаго народа, чтобы онъ безъ борьбы подчинился своему положенію.

Теперь къ прежнимъ причинамъ волненія башкирцевъ,— причинамъ, сводившимся къ давленію со стороны представителей русской администраціи, присоединились новыя, которыя заключались въ сильномъ развитіи здѣсь промышленной колонизаціи. Мысль объ отысканіи руды въ башкирскомъ краѣ принадлежитъ Петровскому времени; ее старался примѣнить къ дѣлу Кирилловъ, но дѣло шло плохо до Неплюева, который имѣлъ полное право впослѣдствіи говорить: „Во многихъ мѣстахъ лежащіе отъ начала праздно въ нѣдрахъ земныхъ минераллы стараніемъ моимъ были открыты, а посему явились желающіе заводить разные заводы, коихъ польза, какъ общая, такъ и частная заводчиковъ всѣмъ уже извѣстна“.

Впрочемъ, прежде чѣмъ случилось это, Неплюеву пришлось выдержать борьбу съ Бергъ—коллегіей, управлявшей горно-заводской промышленностью и доказывавшей центральному правительству, что разработка праздно лежащихъ „подземныхъ богатствъ“ должна находиться въ рукахъ казны. Неплюевъ, напротивъ, доказывалъ, что въ интересахъ послѣдней слѣдуетъ отдать это дѣло въ руки частныхъ лицъ; споръ былъ рѣшенъ сенатомъ въ пользу Неплюевскаго мнѣнія, и вотъ въ Оренбургскомъ краѣ, съ легкой руки симбирскаго купца Твердышева, получившаго за успѣшную эксплоатацію „нѣдръ земныхъ“ дворянское званіе, и настоящіе дворяне обратились къ выгодному промыслу, доставившему Твердышеву, кромѣ дворянства, и весьма большое богатство; на башкирскихъ земляхъ появились заводы графовъ Шуваловыхъ, Сиверса, Строганова, генералъ-прокурора Глѣбова, дворянъ Демидовыхъ и др., съ огромнымъ количествомъ приписанныхъ къ этимъ

привиллегированнымъ заводамъ государственныхъ крестьянъ. Вообще, со времени зарожденія въ юго-восточной окраинѣ культурно-экономической дѣятельности, правительство начало не только вызывать и насильно переселять сюда колонистовъ, но и очень снисходительно смотрѣть на бѣглыхъ, разъ они пріютились на мѣдныхъ или желѣзныхъ заводахъ.

Правительство отлично стало понимать, какую значительную выгоду доставить край государственному и народному хозяйству, когда природные дары Башкиріи будутъ широко разработаны.

Однако сама Башкирія всѣми этими колонизаторскими стремленіями русскихъ была настроена далеко не мирно. Явились русскіе,—исконные ея враги,—уже не для того только, чтобы получить ясакъ и затѣмъ уйти въ свои острожки, не захватывавшіе много земли; нѣтъ,—эти люди пришли основательно поселиться въ Башкиріи, отнять у свободнаго народа его лѣса и степи, взрыть ихъ родныя земли по всѣмъ направленіямъ и создать совершенно иной складъ жизни, совсѣмъ не похожій на обычаи кочевника. Наблюдатель и хорошій знатокъ Башкирскаго края въ тѣ времена, капитанъ Рычковъ, свидѣтельствуетъ, что башкирскій народъ „ничто столь много не уважаетъ и не бережетъ, какъ старинныя свои вотчинныя земли и отхожія, т. е. лѣсныя угодья“. Отсюда можно заключить, что ненависть, которую башкирцы сначала затаили въ своихъ сердцахъ, а потомъ свирѣпо выразили въ открытомъ мятежѣ противъ русскихъ, вытекала, главнымъ образомъ, изъ экономическихъ причинъ, изъ условій промышленной русской колонизаціи и соединеннаго съ ней перехода башкирскихъ земель въ руки людей, причинявшихъ имъ вдобавокъ всевозможныя вымогательства. Это очень хорошо понимало въ то время само правительство, запрещавшее заводчикамъ пріобрѣтать у башкирцевъ лишнія земли, которыя доставались русскимъ чуть-ли не даромъ,—особенно лицамъ, власть имѣющимъ. Что вопросъ о башкирскихъ земляхъ былъ очень щекотливый вопросъ и въ тѣ времена, ясно показываютъ слова

того-же капитана Рычкова. „Безпристрастно можно сказать,— пишетъ онъ,—что при первомъ заведеніи горныхъ заводовъ, къ коимъ на всякія строенія, такожъ на дрова и уголья, множество лѣсовъ необходимо требуется“, нужна „великая осмотрительность и всякая ласковость, справедливость и умѣренность съ башкирцами, дабы по ихъ дикости и легкомыслію, отъ новости на земляхъ ихъ такихъ заводовъ затрудненій не было и вновь бы безпокойство не отрыгнуло“.

Предвидя, что „безпокойство“, дѣйствительно, можетъ „отрыгнуться“, Неплюевъ всю свою политику по отношенію къ инородцамъ построилъ на принципѣ разъединенія ихъ интересовъ. Подобно тому какъ экономическими льготами онъ связалъ интересы яицкихъ казаковъ съ интересами правительства, Неплюевъ соціальными и финансовыми мѣрами стремился разорвать связь, которая соединяла башкирцевъ и другихъ многочисленныхъ инородцевъ, называвшихся на оффиціальномъ языкѣ (по ихъ соціальному положенію, а не этнографическимъ особенностямъ) „тептерями“ и „бобылями“. По свидѣтельству Рычкова, тептери и бобыли, живя на земляхъ богатыхъ башкирцевъ и платя за это имъ оброкъ, находились въ такомъ положеніи, что башкирцы „ихъ почти за своихъ крестьянъ почитали“. Неплюевъ выхлопоталъ у правительства освобожденіе для тептерей и бобылей отъ башкирской крѣпостной зависимости, но за то обложилъ ихъ 80-ти гривенной подушной податью, которая не была съ нихъ снята и тогда, когда правительство, по представленію Неплюева, замѣнило прямой налогъ на инородцевъ косвеннымъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Неплюевъ руководствовался какъ финансовымъ разсчетомъ, такъ и политикой разъединенія инородцевъ посредствомъ установленія различныхъ съ нихъ финансовыхъ требованій. Предлагая правительству, вмѣсто сбора ясака съ мещеряковъ и башкирцевъ, ввести обязательную для нихъ продажу казенной соли, Неплюевъ доказывалъ, что ясакъ съ мещеряковъ и башкирцевъ, плативших лишь 4392 р. 65 к. ежегодно съ 123. 122 чел., не такъ выгоденъ для казны, какъ введеніе обязатель-

ной продажи казенной соли; но за-то прямой налогъ на тептерей и бобылей, при восьмигривенномъ окладѣ, по показанію Неплюева, давалъ казнѣ 23,105 р., каковыхъ нельзя было получить съ нихъ отъ продажи имъ казенной соли; кромѣ того, снимать ясакъ съ бобылей и тептерей Неплюевъ считалъ невыгоднымъ и потому, чтобы не возникло между ними и башкирцами солидарности.

Такая соціальная и финансовая политика Неплюева по отношенію къ инородцамъ до извѣстной степени достигла цѣли, я говорю—до извѣстной степени, потому что въ этомъ случаѣ не было такого успѣха, какимъ сопровождалась покровительственная система, предпринятая нашимъ колонизаторомъ по отношенію къ яицкому войску. Не смотря на соціальный и финансовый тактъ Неплюева, все же инородцы объединялись общимъ имъ всѣмъ недовольствомъ русскою властью, выражавшеюся для нихъ въ сборѣ ясака съ древнихъ временъ, въ военной и особенно промышленной колонизаціи новаго времени. Введеніе обязательной продажи казенной соли усиливало еще болѣе общеинородческое недовольство, такъ какъ этотъ налогъ былъ одинаково тяжелъ для всѣхъ; можно даже сказать, что онъ явился послѣднимъ толчкомъ къ башкирскому мятежу 1755 года. Хотя руководитель этого мятежа Батырша и призывалъ башкирцевъ къ возстанію во имя ислама, но они, понимавшіе свои реальные интересы гораздо лучше, чѣмъ религію Магомета, хорошо знали, за что они главнымъ образомъ мстили русскимъ. Батырша впослѣдствіи показывалъ, что встрѣченная имъ толпа башкирцевъ, жалуясь ему, кричала: „Злой воръ, заводскій командиръ, имѣніе наше покралъ и разграбилъ, земли и воды наши отнялъ, женъ и дочерей нашихъ предъ нашими глазами блудилъ“... Не даромъ ненависть башкирцевъ обрушилась на заводы, причемъ ими былъ сожженъ заводъ гр. А. И. Шувалова. Разсказывать о мятежѣ Батырши не входило въ мои намѣренія; не имѣя также возможности, по недостатку времени, подробно останавливаться на средствахъ, которыя были употреблены Неплюевымъ для усмиренія мятежа, я, однако,

считаю своею обязанностью замѣтить, что Неплюеву, кромѣ устроенныхъ имъ укрѣпленныхъ линій и вызванныхъ имъ же воинскихъ командъ съ донскими казаками, много помогло и его замѣчательное умѣніе пользоваться самими инородцами противъ ихъ же собратій. Такъ, ему удалось возбудить противъ башкирцевъ — тептерей, мещеряковъ и особенно киргизовъ; послѣднихъ Неплюевъ сдѣлалъ непримиримыми врагами башкирцевъ, на которыхъ онъ направилъ алчность киргизовъ въ то время, когда башкирцы надѣялись на ихъ помощь. Съ другой стороны, послѣ отнятія киргизами у башкирцевъ имѣній, женъ и дочерей, Неплюевъ „подъ рукой“ далъ понять башкирцамъ, что, если они захотятъ отмстить своимъ оскорбителямъ, то русская администрація не станетъ привлекать ихъ къ отвѣту. Башкирцы бросились на киргизовъ, и началась новая рѣзня... Такимъ образомъ, кочевники сами обезсиливали другъ друга, заплативъ за протестъ противъ русской колонизаціи въ ихъ край безпощадной враждой другъ къ другу. Неплюевъ хорошо сознавалъ значеніе этихъ блестящихъ, но кровавыхъ результатовъ своей политики для утвержденія русскаго господства на юго-восточной окраинѣ Европы; онъ занесъ въ свои записки мнѣніе, что инородческая усобица „положила“ между ними такую вражду, „что Россія отъ ихъ согласія навсегда можетъ быть безопасна“.

Имѣя въ виду пользу отечества, отождествлявшагося въ его сознаніи съ государствомъ, И. И. Неплюевъ и на народное хозяйство смотрѣлъ съ государственной точки зрѣнія. Всѣ его заботы о развитіи горно-заводской промышленности въ краѣ воодушевлялись его стремленіемъ доставить наибольшую прибыль казнѣ. Его заботы о торговлѣ говорятъ о томъ же самомъ. Неплюевъ съ гордостью заноситъ въ свои записки, что при немъ начался „знатный торгъ“ въ Оренбургѣ (въ 1745 г.). Раньше приходилось содержать оренбургскую экспедицію на казенную субсидію въ 30.000 рублей; теперь Неплюевъ могъ обходиться при помощи одного пошлиннаго сбора съ товаровъ, поднявшагося до 50.000 рублей. „Прежде

меня,—замѣчаетъ съ гордостью Неплюевъ,—отъ бывшей комерціи никогда трехъ тысячъ въ годъ не приходило". „Казна" для Неплюева, дѣйствительно, была гордостью, потому что въ его глазахъ она являлась олицетвореніемъ государства, его богатства и политическаго могущества. Это былъ своего рода культъ „казны", которымъ въ XVIII ст. прикрывалось много своекорыстныхъ дѣятелей,—но не къ ихъ числу принадлежалъ Неплюевъ, беззавѣтно преданный памяти своего великаго учителя, приказывавшаго „деньги, какъ можно, сбирать, ибо они суть артерія войны".

И Неплюевъ „сбиралъ деньги" очень успѣшно. Сборы въ только что основанномъ и получившемъ значительныя автономныя права Оренбургѣ при Неплюевѣ все время быстро возвышались и, наконецъ, достигли очень крупной цифры. Изъ вѣдомости, заимствованной мной изъ дѣлъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, видно, что разнаго рода сборы и подушныя деньги за 10 лѣтъ Неплюевскаго управленія достигли, беря круглыя цифры, съ 5000 р. до 100,000 р.

Приводимъ эту вѣдомость цѣликомъ, такъ какъ она даже въ своихъ абсолютныхъ числахъ очень наглядно представляетъ быстрое прогрессированье казенныхъ доходовъ съ Оренбурга:

Въ 1738 г.	1,375 р. [1])
„ 1739 „.	2,543 р.
„ 1740 „.	4,313 р.
„ 1741 „.	4,524 р.
„ 1742 „.	4,799 р.
„ 1743 „.	6,411 р.
„ 1744 „.	6,835 р.
„ 1745 „.	10,712 р.
„ 1746 „.	13,645 р.
„ 1747 „.	21,458 р.
„ 1748 „.	33,000 р.

[1]) Копѣйки отбрасываю,

Въ 1749 г.	60,267 р.
„ 1750 „.	72,404 р.
„ 1751 „.	106,569 р.
„ 1752 „.	90,832 р.

Эти цифры, краснорѣчиво свидѣтельствуя о финансовой старательности Неплюева, вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, насколько политическіе успѣхи колонизаціонной дѣятельности Неплюева увеличили доходность отъ Оренбургскаго края для казны.

Будучи истиннымъ послѣдователемъ Петра Великаго, И. И. Неплюевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ честныхъ людей, для которыхъ общее благо, такъ или иначе понимаемое ими, остается навсегда основнымъ лозунгомъ жизни. И. И. Неплюевъ, сообразно съ идейной стороной своего времени, подъ общимъ благомъ разумѣлъ политическое могущество Россіи и хорошее состояніе ея финансовъ, и съ этой точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свою колонизаціонную дѣятельность.

Это былъ великій провинціальный собиратель еще хорошенько не скрѣпленныхъ русскимъ авторитетомъ земель и денегъ для государственнаго казначейства.

И. И. Неплюевъ, посвятившій всю свою жизнь по завѣту Петра Великаго, неустанной дѣятельности, „не покладая рукъ“, —могъ смѣло бросить упрекъ слѣдующему времени, когда онъ, уже лишившись зрѣнія, многое видѣлъ гораздо лучше зрячихъ, не побоялся отказаться отъ предложенія Екатерины II-й снова поступить на службу и высказалъ самой Императрицѣ то, что „чувствовалъ“:

—Нѣтъ, государыня,—сказалъ заслуженный старикъ-колонизаторъ,—мы, Петра Великаго ученики, проведены имъ сквозь огнь и воду: инако воспитывались, инако мыслили и вели себя, а нынѣ инако воспитываются и инако ведутъ себя и инако мыслятъ; итакъ, я не могу ни за кого, ниже за сына моего, ручаться“...

2007042251